

Переводчик прозрачный и непрозрачный

Д.М. Бузаджи

Вопрос о роли переводчика в переводческом процессе, о воздействии его личности на текст перевода традиционно привлекает к себе большое внимание и вызывает массу споров. Можно сказать, что в отечественной теории и практике перевода второй половины XX в. утвердился взгляд на переводчика как, по выражению Гоголя, на «прозрачное стекло»: чем меньше в тексте перевода от переводчика и чем больше от оригинала, тем лучше переводчик выполнил свою работу. Казалось бы, такая трактовка роли переводчика настолько логична, что не требует дальнейшей корректировки. В таком случае задача общей и частной теории перевода заключалась бы в том, чтобы, всё точнее описывая закономерности перевода в целом и в рамках конкретных языковых пар в частности, помогать переводчику становиться «незаметнее», т.е. принимать переводческие решения на основе как можно более объективных принципов.

Однако постулат о том, что идеальный переводчик – «прозрачное стекло», разделяют далеко не все переводоведы. Так, известный американский теоретик перевода Д. Робинсон пишет: «Переводчик – отнюдь не нейтральная, беспристрастная переводческая машина, и ни превращать его в такую машину, ни принуждать его видеть себя в такой роли ни в коем случае нельзя. Личный опыт переводчика – его чувства, взгляды, мотивации, ассоциации – не только допустимый, но и необходимый элемент действенного текста перевода»

(перевод мой – Д.Б.)¹. В другой работе того же автора говорится о том, что переводческая традиция заставляет переводчика идти на многочисленные жертвы: «Вспомнить хотя бы о яростных нападках на “дословные” и “вольные” переводы или о том, что хорошие переводчики вынуждены отказывать себе в удовольствии держаться “слишком” близко к оригиналу, с любовью воспроизводить его контуры языком перевода, переводить слово в слово или же, напротив, в удовольствии “слишком” смело устремляться в противоположном направлении, разрывать обусловленные идеологией связи со смыслом оригинала, переводить вольно» (перевод мой – Д.Б.)².

Во второй цитате стоит отметить слово «идеология». Вообще, складывается впечатление, что у западных переводоведов, выступающих в защиту «непрозрачности» переводчика, идеологические аргументы зачастую превалируют над лингвистическими. Так, Л. Венути утверждает: «В основе невидимости переводчика лежит торговый дисбаланс, из-за которого... иностранные тексты переводятся на английский редко и подвергаются одомашнивающей перделке, в результате чего культурный капитал

¹ D. Robinson. The Translator's Turn // цит. по Translation – Theory and Practice: a Historical Reader / ed. by Daniel Weissbort and Astradur Eysteinnsson. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – С. 535.

² D. Robinson. 'The Ascetic Foundations of Western Translatology: Jerome and Augustine' in Translation and Literature, I // цит. по Translation – Theory and Practice: a Historical Reader / ed. by Daniel Weissbort and Astradur Eysteinnsson. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – С. 536–537.

иностранных ценностей в английском языке снижается. Невидимость переводчика свидетельствует о господствующем в Великобритании и Америке чувстве культурного превосходства, чувстве, которое приводит — без особого преувеличения — к империализму во внешней политике и ксенофобии во внутренней» (перевод мой — Д. Б.)³.

Если последовать популярной сегодня в гуманитарной среде тенденции релятивизма, маскирующегося под объективность, достаточно было бы привести аргументы как за, так и против переводческой «прозрачности» и считать на этом вопрос закрытым. Однако переводчик-практик, особенно если ему приходится преподавать перевод, не может быть «видимым» и «невидимым» одновременно, а значит, выбрать одну установку из двух всё-таки необходимо.

Конечно, «видимость», «прозрачность» и тому подобные слова не более чем метафоры, и вводить их в переводоведение в качестве терминов нет смысла: описать причины и сущность желательного и нежелательного воздействия личности переводчика на текст перевода можно в более точных и привычных понятиях. Но раз эти метафоры так полюбили ряд авторов и вызывают оживлённые дискуссии, есть смысл разобраться в том, что — в переводоведческом и лингвистическом плане — они собой представляют.

Для начала хотелось бы обсудить ряд спорных или откровенно некорректных положений, вытекающих из дихотомии «прозрачность-непрозрачность».

1. Говоря о прозрачности переводчика, мы отнюдь не имеем в виду, что его личность в переводе никоим образом не проявляется. Уже тот факт, что переводчик раз за разом выбирает некий вариант из множества возможных и что разные переводчики никогда не переведут более или менее длинный текст полностью одинаково, свидетельствует о том, что в переводе всегда

так или иначе отражается его создатель. Однако характер этого отражения может быть очень разным. Если переводчик стоит на позициях прозрачности, каждый его выбор в первую очередь определяется объективными факторами (словарное значение, узус, функция в тексте, стилистическая характеристика оригинала и т.д.). Таким образом, всё привнесённое в текст перевода «от себя» имеет случайный, не поддающийся рационализации характер. Дополнительная информация, обусловленная не характером оригинала, а личностью переводчика, в таком случае сливается в фоновый «информационный шум», который — если судить по строжайшим меркам — отчасти искажает оригинал, но не мешает тексту служить его достоверным воспроизведением. Так, характерный треск и шум, которым сопровождается проигрывание грампластинок или аудиокассет, не даёт оснований говорить, что записанная на них музыка не та, что звучала в концертном зале или на студии.

Если же воздействие переводчика на оригинал осуществляется осознанно и имеет тенденциозный характер, то речь будет идти не о «фоновом шуме», а, продолжая аналогию с музыкой, изменении аранжировки, тональности, а то и самой мелодии оригинала. Таким образом, оправдывать намеренное вмешательство переводчика в оригинал тем, что полностью исключить своё воздействие он всё равно не сможет, — приём некорректный.

2. В работах некоторых теоретиков часто — явно или косвенно — проходит мысль о том, что прозрачность переводчика ведёт к гладкописи: если переводчик незаметен, значит, текст перевода всегда и во всём нормативен, удобочитаем и, как следствие, далёк от духа оригинала. Б. Хатим, обобщая взгляды на проблему невидимости переводчика, пишет: «Подходы, согласно которым переводчик должен оставаться невидимым, подвергаются критике за то, что в них постулируется приоритет таких ценностей, как удобочитаемость, и проводится мысль о том, что перевод — это на са-

³ L. Venuti. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. — Abingdon, New York: Routledge, 2008. — С. 13.

мом деле не перевод, а “оригинал” (или возможный вариант оригинала)... [сторонники этих подходов] обычно понимают перевод как беспрепятственный процесс коммуникации, а лучшими переводчиками считают тех, кто лучше всего передаёт “смысл»» (перевод мой – Д.Б.)⁴.

Однако очевидно, что смешивать понятия «прозрачность/невидимость» и «гладкопись» можно только по большому недоразумению. Если переводчик действительно «прозрачен», гладким в его переводе окажется только то, что было гладким в оригинале. То, что в оригинале было новаторским, противоречащим традиции, индивидуально авторским, квалифицированный переводчик, стоящий на позициях прозрачности, постарается воспроизвести в переводе столь же оригинальными, «шероховатыми» средствами. Гладкопись, установка на естественность во что бы то ни стало – это такое же (хотя и менее заметное) проявление переводческой непрозрачности, как и другая крайность – установка на странность и неестественность вне зависимости от того, была ли она предусмотрена автором оригинала.

3. Как свидетельствуют некоторые из вышеприведённых цитат, критики прозрачности приписывают своим оппонентам желание превратить переводчика в бездушную машину. Прозрачность понимается как отказ от творчества, работа строго по шаблону. Безусловно, это так, если речь идёт о переводе, сглаживающем все особенности оригинала и выдающем на выходе усреднённо-банальный текст. Однако подлинная прозрачность требует от переводчика максимального напряжения творческих сил. Перевести текст так, чтобы не заслонить собой автора, – задача сродни той, которую решают художники-реставраторы. Чтобы картина после реставрации оставалась произведением своего первоначально создателя, а не являла собой отпечаток художественных предпочтений реставратора Иванова, реставратор Иванов должен

совершить титанический труд. Таким образом, если смотреть на вещи объективно, шаблонный, нетворческий труд переводчика приводит как раз к непрозрачности.

Конечно, блестящие находки прозрачного переводчика оценить в полной мере могут только специалисты (или, по крайней мере, люди, владеющие как языком перевода, так и языком подлинника), и привлечь к себе внимание гораздо проще, если переводить непрозрачно. Но вопрос о том, как переводчику быстрее добиться известности, в сферу интересов переводоведения входить не должен.

4. В работах некоторых исследователей вопрос о роли, заметности переводчика трактуется в связи с качествами читательской аудитории и читательскими ожиданиями. Характерен следующий пассаж из довольно часто цитируемой статьи Э. Маркштайн: «Потребитель наших художественных переводов стал квалифицированнее, даже рафинированнее. Расширившийся горизонт читательских ожиданий делает его более восприимчивым ко всякого рода новшествам. И конечно, сама литература как объект перевода... обеспечивает нам готовность читателя участвовать в переводческом эксперименте, иначе – в реализации текста. А в нашем случае этого можно достичь, только если не скрывать от него, что перевод – это перевод»⁵.

Если проанализировать это высказывание (а подобная мысль содержится и в приведённой выше цитате из Б. Хатима и у других авторов), можно заметить одно любопытное противоречие. Тогда как прозрачному переводчику приписывается стремление представлять свой перевод как оригинал, переводчик непрозрачный («постмодернистский», по терминологии Э. Маркштайн) напрямую показывает, что его текст является переводом. Однако справедливость такого мнения вызывает вопросы.

⁵ Э. Маркштайн. Постмодернистская концепция перевода (с вопросительным знаком или без него) // Иностранная литература №9, 1996. // цит. по <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/9/mark.html>.

⁴ В. Hatim. Teaching and Researching Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2001. – С. 45.

Прозрачный переводчик — фигура для рядового читателя малозаметная. Его имя указывается мелким шрифтом в ряду другой технической информации об издании, но главное — прозрачный переводчик не стремится к соавторству. Единственная задача такого переводчика — донести до читателя текст иноязычного автора в наиболее чистом виде, как можно меньше прибавив или убавив. И если бы такое стремление было, как считает Э. Маркштайн, фикцией, то мы жили бы в совершенно ином мире, где любой текст — включая договоры, инструкции по эксплуатации, художественную прозу и поэзию и, в том числе, статьи переводоведов-постмодернистов — приобретал бы в переводе совершенно непредсказуемые качества и не обеспечивал бы межкультурной коммуникации. И если согласиться с тем, что прозрачный переводчик представляет свой текст как оригинал, то необходимо сделать важнейшую оговорку: это оригинал, принадлежащий перу иноязычного автора.

С другой стороны, переводчик, придерживающийся линии непрозрачности, неизбежно претендует на статус соавтора. Открыто представляя свою работу как «переводческий эксперимент», он вынуждает читателя воспринимать переводной текст как совместное творчество автора X (который никаких переводческих экспериментов не проводил) и переводчика Y. Таким образом, нарочито переводной текст непрозрачного переводчика становится на самом деле новым оригинальным произведением, созданным на основе иноязычного подлинника.

Чтобы убедиться в том, что никакого парадокса здесь нет, достаточно провести аналогию с устным переводом. Как известно, профессиональный устный переводчик, переводя фразу, сказанную от первого лица, также использует первое лицо, а выражения вроде: «Он сказал, что...» выдают непрофессионала, не знакомого с техникой устного перевода. Если разобраться, логика таких требований к оформлению устного перевода вполне очевидна. Употребляя первое лицо, переводчик выдаёт свой текст за ори-

гинал, но при этом сам является «невидимым»: у двух человек, общающихся через переводчика, создаётся ощущение того, что они ведут диалог напрямую.

Однако, передавая слова говорящих от третьего лица, т.е. нарочито показывая, что текст перевода не тождествен оригиналу, переводчик вмешивается в диалог как активный интерпретатор. Зачастую от того, какой подход изберёт устный переводчик, зависит и экстралингвистическое поведение беседующих. В первом случае они, как правило, при разговоре обращаются непосредственно друг к другу и строят свои высказывания так, как если бы собеседник говорил с ними на одном языке. Во втором случае обе стороны смотрят в основном на переводчика и формулируют свой текст как предназначенный для передачи через третье лицо (маркерами этого могут служить фразы вроде: «Скажите ему, что...»).

Определить, какой из этих двух подходов обеспечивает наиболее полноценное общение отправителя и получателя текстов, на наш взгляд, не составляет труда. Так, отвечая на вопрос, чего ожидает общество — в лице участников ситуации, необходимым элементом которой является устный перевод, — от переводчика, А. В. Садиков пишет: «Прежде всего в самом общем виде можно сказать, что перевод считается... **тем лучше, чем меньше ощущается присутствие посредника**. Это значит, что участники общения должны как можно меньше подозревать обо всех социо-культурно-этно-психо-лингвистических различиях; они должны быть уверены, что чем “естественнее” они себя ведут, тем лучше **будут поняты**»⁶.

5. Сторонники заметной роли переводчика часто указывают на то, что любой перевод представляет собой лишь одну из возможных интерпретаций оригинала и, следовательно, переводчик может не бояться своей интерпретационной функции, а смело ее на себя возлагать.

⁶ А. В. Садиков. Перевод как вид социального поведения // Тетради переводчика. — М.: Междунар. отношения, 1981. — вып. 18. — С. 8.

Для иллюстрации спорного характера этого утверждения приведём пример переводческого анализа из книги Т.А. Казаковой «Художественный перевод: в поисках истины». Комментируя выполненный А. Блоком перевод двух строк из стихотворения Г. Гейне «Лорелея»: «В вечерних лучах алеют / Вершины дальних гор»⁷, автор ссылается на мнение В. Левика, который не согласен с вариантом «дальних гор», так как «на Рейне никаких дальних гор нет», а речь идёт о конкретном утёсе, возвышающемся над другими скалами. Однако далее Т.А. Казакова указывает на то, что в словаре Блока слово «дальний» не столько обозначает дистанцию, сколько является признаком вымышленного мира, и приходит к следующему заключению: «...Дальние горы Блока означают вовсе не конкретный ландшафт на Рейне, а являются выражением категории романтического вымысла, символа “нездешнего мира”... То, что для Левика является реальной скалой Лорелеи, в тексте Блока преобразуется в признак легенды, “страшного” мира волшебницы Лорелей, что, в принципе, не противоречит условиям романтической легенды Гейне, хотя могло бы противоречить, например, запискам путешественника, который описывает “прибрежье Рейна”»⁸.

В данном случае мы действительно имеем дело с одной из возможных, и довольно субъективных, интерпретаций оригинала, причём понять её русскоязычный читатель может только в том случае, если он знаком с идиостилем переводчика. Можно ли сказать, что позиция Блока имеет такое же право на жизнь, как позиция Левика⁹? Нам представляется, что нет. Если бы переводчик не ввёл в текст субъективно-романтический компонент («дальние горы» вместо одной конкретной

скалы), т.е. проявил бы больше прозрачности, он отнюдь не увёл бы читателя перевода в сторону «записок путешественника», а открыл бы перед ним такое же (или почти такое же) разнообразие интерпретаций, какое есть у читателя оригинала. В этом случае читатель перевода сам смог бы выбрать: толковать ли описание как исключительно романтическую картину или воспринимать легенду на фоне реалистичного рейнского ландшафта. Впрочем, благосклонное отношение критиков к этой и многим подобным интерпретационным ошибкам понятно. Как отмечает О.В. Петрова, «анализируя работы маститых переводчиков, обычно говорят о *собственной* трактовке общей идеи стихотворения и содержащихся в нём образов, тогда как менее известных переводчиков упрекают в *неверном* прочтении текста, в *неверной* трактовке»¹⁰.

Таким образом, непрозрачный переводчик, берущий на себя роль интерпретатора, зачастую лишает читателя перевода интерпретационной свободы, которую прозрачный переводчик в большей или меньшей степени способен, как правило, сохранить. В этой связи уместно процитировать В.С. Модестова, который отмечает: «Цель переводчика — свести к минимуму своё субъективное вмешательство в текст и максимально приблизиться к объективному смыслу переводимого им произведения... В отличие от обычного читателя, который, как правило, интуитивно определяет своё отношение к произведению и его персонажам, переводчик должен делать это обдуманно. От его интерпретационной позиции зависят мнение и суждение читателя об авторе подлинника; акт этот важный и очень ответственный перед автором оригинала и перед читателями»¹¹.

⁷ Немецкий оригинал: „Der Gipfel des Berges funkelt / Im Abendsonnenschein“. Дословный перевод: «Вершина горы искрится / В лучах вечернего солнца».

⁸ Т.А. Казакова Художественный перевод: в поисках истины. — СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. — С. 63.

⁹ В его переводе эти строки звучат так: «Лишь на одной вершине/Ещё пылает закат».

¹⁰ О.В. Петрова. Поэтический перевод: миф и реальность (размышления скептика) // Проблемы теории, практики и критики художественного перевода. — Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, «ДЕКОМ», 2000. — С.101.

¹¹ В.С. Модестов. Художественный перевод: история, теория, практика. — М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2006. — С. 59, 63.

Так что мы вынуждены по-другому взглянуть на приводившееся выше мнение о том, что «новый» перевод, перевод-эксперимент, рассчитан на более «квалифицированного» и «рафинированного» читателя. Вряд ли по-настоящему квалифицированный читатель согласится с тем, чтобы переводчик откровенно навязывал ему своё видение оригинала, даже если оно идёт вразрез с авторской идейной позицией, художественными методами, идиостилем и т.д. И неслучайно защитники интерпретационной свободы переводчика в большинстве случаев черпают примеры из переводов поэзии. С одной стороны, перевод поэтических произведений — это та область письменного перевода, научно описать которую, пожалуй, труднее всего (хотя и вполне возможно). Доказать наличие в ней объективных закономерностей и критериев ещё труднее, чем в области прозаического перевода. С другой стороны, многие поэтические произведения весьма коротки, поэтому — если учесть неизменную «престижность» поэтического перевода — количество переводов одного и того же стихотворения может быть велико. Однако абсолютное большинство переводных текстов — от технической документации до романов — переводятся, по крайней мере в течение относительно ограниченных отрезков времени, только один раз, поэтому на практике читатели имеют дело не с богатым выбором разнообразных переводческих интерпретаций одного и того же произведения, а с одной интерпретацией, которая и представляет текст оригинала в культуре языка перевода.

С учётом всего вышесказанного, нам представляется, что серьёзных научно и практически обоснованных причин отстаивать непрозрачность переводчика нет. Однако наблюдаемая популярность этой позиции вполне объяснима. Ниже мы перечислим некоторые факторы, которые, на наш взгляд, обуславливают жизнеспособность концепций непрозрачного переводчика:

1. Сохранять при переводе прозрачность труднее, чем не сохранять. Чтобы

добиться прозрачности, переводчик должен обладать обширными знаниями из области общей и частной теории перевода; должен знать и уметь выявлять нюансы узуса иностранного языка и постоянно работать над совершенствованием своего владения родным языком; должен пополнять свой словарный запас и развивать чувство языка; должен иметь представление об особенностях исходного и переводящего языков в разные эпохи, в разных регистрах, сферах коммуникации и т.д. Проявить же непрозрачность переводчик способен и не обладая этими знаниями и умениями. Безусловно, мы не станем утверждать, что переводческая непрозрачность — всегда следствие низкой квалификации переводчика. Однако отличить непрозрачность принципиальную от непрозрачности вынужденной не всегда возможно.

2. Непрозрачный переводчик заметнее прозрачного. Очевидно, что переводчик, намеренно отражающий в переводах свои стилистические предпочтения, свою идеологию, вкусы, имеет гораздо больше шансов добиться известности. Однако задача добиться известности никоим образом не входит в число обязанностей переводчика и не имеет никакого отношения к переводческому ремеслу (которое мы определим как творческую деятельность, осуществляемую в практических целях), ориентирован на интересы заказчика/потребителя, а не на самовыражение исполнителя. Однако, по нашим наблюдениям, перевод часто воспринимается как разновидность литературного искусства, которая облегчает не наделённому литературным талантом человеку путь к писательской славе.

3. Недостаточно развитой языковой вкус читательской аудитории. В отличие от Э. Маркштайн, мы полагаем, что популярности «постмодернистского» перевода способствует не высокий, а, наоборот, низкий уровень литературной культуры, который наблюдается у части читателей. Недостаток стилистического чутья (охотно соглашаясь

со стилистическими экспериментами переводчика-интерпретатора, «читатель новой формации», как правило, не прощает даже незначительных «экспериментов» с фактическим смыслом текста), отчасти обусловленный упадком лингвистической культуры в СМИ и низким качеством переводов художественной литературы и кинофильмов, приводит к тому, что читатель не воспринимает или неверно воспринимает особенности функциональных стилей и жанров, экспрессивных и образно-выразительных языковых средств, продуктивных грамматических и словообразовательных моделей и т.д. В результате переводы, созданные с соблюдением принципа прозрачности, зачастую представляются такому читателю слишком гладкими, пресными и маловыразительными. При этом ожидание от перевода яркой выразительности иногда основывается только на том, что читатель, не владея в достаточной мере исходным языком, усмотрел такую выразительность во вполне традиционно написанном тексте оригинала.

По приведённым в этой статье примерам и цитатам можно предположить, что оппозиция «прозрачность-непрозрачность» имеет отношение только к художественному переводу. Это не так, но необходимо отметить, что при обсуждении проблем перевода специальных или даже газетно-информационных текстов теоретики в большей степени руководствуются здравым смыслом и к непрозрачности не призывают: «Сделать переводчиков заметнее – достойная задача, важность которой явственно ощущается в литературном мире. Но в контексте перевода новостных сообщений вопрос о видимости переводчика должен решаться совсем по-другому и предлагаемая Венути установка на осуждение теряет всякий смысл» (перевод мой – Д.Б.)¹². Думается, правда, что установка на «осуждение», на непрозрачность теряет всякий смысл в контексте перевода любых текстов, ведь закономерности, связывающие цель,

метод и результат перевода, всегда остаются одними и теми же.

Например, в прошлом номере «Мостов» была напечатана фотография, на которой фраза «Держитесь правой стороны» была переведена как “Move on the right party”. Сопровождавший фотографию комментарий носителя английского языка наглядно демонстрирует, что такое непрозрачность в переводе табличек и тому подобных официальных текстов. Там, где русский увидит лишь стандартное требование, выраженное наиболее привычным и, как следствие, предельно понятным образом, носитель английского будет вынужден надолго задуматься. Перебрав варианты с «правильной вечеринкой», «партией правых» и «телодвижениями на правом краю», он, возможно, и поймёт, что от него требуется, но по правой стороне перехода он будет идти, нагруженный массой экзотических «лингвокультурных» ассоциаций, которые щедро подарил надписи переводчик. Если бы таким образом перевели требование вроде «Берегись автомобиля!» (допустим, «Beware of the car!»), переводческая непрозрачность могла бы привести к трагическому результату. Конечно, вышеприведенные реальный и вымышленный пример, скорее всего, иллюстрируют непрозрачность ненамеренную, обусловленную низкой квалификацией переводчика, но, как мы уже отмечали, отличить ошибку по убеждению от ошибки нечаянной не так-то просто. И почему то, что в переводе «Мастера и Маргариты», скорее всего, будет признано «особым прочтением» (например, «Регент как сквозь землю провалился» – “It was as if the choirmaster fell through the earth”, Р. Пивер и Л. Волохонская), в переводе вывески непременно должно быть осуждено как безграмотность?

При переводе художественных текстов, где индивидуально-авторский компонент наиболее заметен, казалось бы, формальная точность, наоборот, предпочтительна: именно она обеспечит прозрачность. Но, разумеется, не всё так однозначно. Известный английский переводовед Питер Нью-

¹² E. Bielsa and S. Bassnett. Translation in Global News. – Abingdon: Routledge, 2009. – С.10.

марк отмечает интересную закономерность в передаче метафор (на самом деле этот принцип применим далеко не только к метафорам): при переводе универсальных или индивидуальных метафор предпочтителен буквальный метод (в случае универсальной метафоры он воссоздаст в переводе тот же знакомый образ, в случае индивидуальной – отразит своеобразие автора). Но если переводчик имеет дело с общекультурной метафорой (стандартной для носителей культуры исходного языка, но незнакомой носителям культуры переводящего языка), то буквальный метод неприменим¹³.

Переводчик рассказа Зошенко «Аристократка» Сидни Монас заставляет повествователя сказать загадочную фразу: “I was sitting in the last balcony and couldn’t see a horse-radish”. Для любого носителя английского языка выражение *couldn’t see a horse-radish* – оригинальное речение, выдающее своеобразную манеру автора заимствовать усилительные средства в сельскохозяйственной сфере. Фраза оригинала «Сижу на верхотурье и ни хрена не вижу» русского читателя на такие мысли, конечно, не наведёт. И гораздо прозрачнее оказались переводчики Хью Маклин и Мария Гордон, отошедшие от поверхностного смысла зошенковских слов ради передачи смысла подразумеваемого: “I sat up in the crow’s nest and I couldn’t see a damned thing”.

Одним словом, принцип переводческой прозрачности, которую обуславливает верная передача функции текста и его частей, а также производимого ими коммуникативного эффекта, затрагивает не только художественную литературу, но и любой текст вообще. Причём способы достижения этой прозрачности в зависимости от типа текста и конкретных языковых средств могут быть самые разные: от буквального перевода (сохранения синтаксических особенностей оригинала и передачи его слов первыми словарными эквивалентами) до радикальных трансформаций.

¹³ P. Newmark. A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008. – С. 74.

Безусловно, концепции прозрачности и непрозрачности определяют разные направления развития теории перевода. Если идти по пути прозрачности, теория перевода должна стремиться к наиболее полному описанию процесса перевода и факторов, на него влияющих, к по возможности наиболее точному определению адекватности перевода и описанию переводческих ошибок, к выработке всё более полных и конкретных рекомендаций переводчикам, работающим с той или иной парой языков и с тем или иным типом текстов. Это путь трудный, но он способен обеспечить реальный прогресс в переводоведении.

Концепция переводческой непрозрачности, на наш взгляд, приведёт к тому, что переводоведение всё дальше будет отходить от собственно переводоведческих и лингвистических проблем в такие области, как литературоведение, культурология, психология, политика, социология, религия и философия. При этом практический аспект переводческой деятельности будет учитываться всё меньше, а личность переводчика будет играть всё более заметную роль. В результате можно ожидать постепенного отказа от выработки конкретных рекомендаций и установку на чистый дескриптивизм и релятивизм. Этот путь представляется нам гораздо легче первого, он значительно расширяет сферу интересов переводоведения и создаёт условия для возникновения многочисленных новых концепций и теорий, однако, на наш взгляд, в этом случае перевод из вторичного коммуникативного акта превратится в разновидность самостоятельного творчества, а подлинный, дающий практические результаты прогресс в переводоведении будет заменён простым увеличением разнообразия.

P.S. В основу статьи лёг доклад, прочитанный автором на Второй международной научной конференции «Проблемы теории, практики и дидактики перевода», организованной НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (13–15 апреля 2009 г.).